

Вым делом отправилась в душ и вышла оттуда обернутой в пологенце, как тнаяそばзантиельница. Впрочем, ни на ней, ни в ней не нашли никаких дов насилия, что не удивительно: ведь обмер члена чемпиона членами суда срединей нормы. На это обвинитель возразил, что зафиксированы случаи илия именно при помощи членов скромных пропорций.

«Все ясно, — подумал Пантелей, — девка хотела переспать со знаменитым пионом, а потом засудить его на пару миллионов, как это теперь модно».

По другому каналу обвиняемый, сидевший на суде в прекрасном костюме ли галстуже, с откормленной шеей и изошеренно изогнутым красным ртом тоядного кровопийцы, слезливо расказывал суду присяжных и публике, как когда был в поисках Бога и как он посвятил остаток жизни поискам Его же. «Интересно, когда же именно он искал Бога, — рассуждал Пантелей, — та ли, когда таротировал свои жертвы, или высасывал их мозг, или когда жульнялся с полгруппами?»

Судья и защитник благосклонно выслушивали весь этот бред и дружелюбно ивали подсудимому.

В продолжавшемся по телевизору обзоре новостей расказывали о новой про-ме в исследовании космоса, которую диктор называл «небесная близость» — о уалрых отношениях между астронавтами. Специально приглашенная жен-а-психиатр называла вещи своими именами, и на «е», и на «х», и на «п».

«Сексуальные отношения происходят везде, где есть мужчины и женщи-— бойко тараторила она, — в офисах, в супермаркетах и даже в Антаркти-Физическая близость в состоянии отсутствия земного притяжения приобре- . новые неожиданные оттенки. Пора, пора агентству NASA начать прово- , предварительные наземные испытания, а не прятать, подобно страусу, ву в песок, когда речь заходит о сексе в космосе».

Пантелеймон выключил телевизор и лег спать.

Во сне он тотчас перенесся в Ленинград своей молодости на студенчес-вечеринку, где его окружили друзья, многие из которых наяву уже умерли, все было так болезненно-щемяще сладко, и где потом он долго-долго не найти ночной трамвай, чтобы то ли с Охты, то ли со Староневского ехать на львовский, где его ждали любимые им люди Олюшка и сыночек.

«Не так ли, резвые други бурной и вольной юности, по одиночке, один за другим, ются по свету и оставляют, наконец, одного, старинного брата их. Скучно влennomу! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему».

Франциско

1, 1994 годы

Каролинг, А. Монкоформизм остаетса.

Sankt-Peterburg, 2003.

Американские художники обычно ревниво хранят секрет своего успеха, если он у них есть. Я не такой и хочу подделиться тайной моего успеха с друзьями. Когда двадцать лет назад я собирался в США, я был уверен, что сила моего выдающегося таланта очень быстро покорит Америку. Но первые же посещения сан-францисских художественных галерей озадачили.

— Здравствуйте, я художник из Ленинграда. Участвовал в венецианской Биеннале...

— Вы что, русский? Обратитесь в русскую церковь.

— Здравствуйте, я художник, мои работы есть в Музее Ватикана...

— Вы, наверное, русский еврей? Идите в синагогу.

— Здравствуйте, я художник, делаю религиозные сюжеты...

— ? Разве вам не известно, что религия — это изношенная шляпа?

— Я художник, работаю кистями и красками на холсте.

— О, это давно устарело.

— Я художник.

— Нам художники не нужны.

Первое, что делает выходец из России, если его куда-нибудь не пускают, — жалуются в высшестоящие инстанции. Стал жаловаться и я, начиная от мэров и сенаторов и кончая президентами США. Все, кому я писал, очень хотели помочь, но, к сожалению, были заняты. Так, мэр Файнстайн сама в это время готовила рибесе of ат, а именно сваренный из стрессованного огнестрельного оружия крест для подарка римскому папе. Сенатор Джон Сеймур пригласил меня в Вашингтон сфотографироваться с ними и подарил фото мне в назидание. Картер, Рейган, Буш и Клинтон честно признались, что они бессильны в загадочной области искусства.

Тогда я понял, что быть просто художником в США недостаточно, надо иметь социально-политическую платформу, надо принадлежать к группе.

Сначала я пытался примкнуть к русским. Они меня не приняли, потому что я еврей.

Евреи отнеслись ко мне настороженно, потому что в моих работах я часто обращался к евангельским сюжетам.

Афро-американцы меня не приняли.

Латино-американцы нашли мое творчество очень близким и чуть было не приняли.

Гомосексуалисты меня не приняли, потому что я не шел дальше их внешней театральности.

Леббиянки и феминистки не только меня не приняли, но и обвинили в дискриминации, так как в своих иллюстрациях к «Русским заветным сказкам» я отдал предпочтение изображению мужских гениталий.

В отчаянии я бросился в кооперативную Nappu Goat Hill Gallery в надежде обрести собратев и единомышленников. Но и тут неудача: в отличие от того, о чем мечтали Ван Гог и я, мои новые собраты никогда не обсуждали «жгучие» и «вечные» проблемы искусства. Собираясь, они говорили о финансовых проблемах или об особенностях национальной кухни разных народов.

Как-то мне попалось на глаза высказывание одного из зачинателей поп-арта Роя Лихтенштейна о Пикассо: «Пикассо — величайшая сила XX столетия потому, что он выдающийся изобретатель». Моп Диеу — подумал я, всю мою сознательную жизнь я полагал, что величие Пикассо в его осмысливании европейской традиции от древних греков до Тулуз-Лотрека, в его работоспособности, наконец, в таланте... Какое заблуждение! Надо срочно и мне изобрести что-нибудь. Конечно, я не смогу тратить деньги на тысячи тарелок, как Julian Schnabel, или на покупку гигантских биллиардных столов, как Sherry Levine. Нужно что-нибудь легкое и портативное.

Заврика! Не зря же я писал письма сенаторам и конгрессменам, ведь в моем архиве лежат пачки копий моих писем и ответов на них, писем, с помощью которых я пытался пробиться как художник и продвинутое мое искусство в этой стране. Почему бы мне не выставить письма? Ведь это они, а не сотни трудоемких и никому не нужных живописных и графических работ явились моим самым большим достижением за 20 лет жизни в США!

С робостью я явился я с новыми «работами» в галерею. И нелегко в это поверить, но на лицах галерейщиков стала появляться улыбка. И вот уже сан-францисская художественная комиссия принимает меня на Art Festival. И вдруг чуть ли не все сразу хотят выставить Алёка Рапопорта, и все двери широко открываются: от Библиотеки Ронни Рейгана (выставка в 1993 г.) до «Садов Ренни Приткина» (Renny Pitkin — известный в Сан-Франциско художественный директор галереи Yerba Buena Gardens), от Лоренцанской Библиотеки до Мюнхенской Пинакотеки. Римский Папа дал мне и моей семье аудиенцию.

Наконец-то у меня улучшился сон и аппетит. Наконец-то меня полюбили все, от русско-еврейских гомосексуалистов до афро-латино-американских феминисток. Чудо свершилось!

Сан-Франциско

1994 год

[Действительно, работа Алёка Рапопорта «Письма на холсте» была выставлена в Сан-Франциско в 1995 году в Belcher Studios Gallery и имела большой успех. После выставки А.Р. ее сжег].

